

теперь ее можно не любить

80 лет со дня
рождения
Марии Каллас

Так просто сейчас не любить Марию Каллас. Сплетничать о ее полноте в юности, трагической безголосице последних лет, о ее примадоннских выходках и романе с Онассисом. Или просто причислить ее, подобно Марлен Дитрих или Грете Гарбо, к кумирам европейской геевской субкультуры и успокоиться. Можно еще посмотреть фильм Дзефирелли *Callas Forever*. Главное не слушать! Потому что если вы услышите даже какую-нибудь позднюю ее «Кармен», где она поет «как будто у нее во рту горячая картошка» (Николай Гедда), все эти культурологические домыслы превратятся в труху. Это правда — ее голос обжигающе некрасив. Это уже потом ее «наследницы» — Кабалье, Сазерленд и Силлз, ухватившиеся за калласовский репертуар, разукрасили «Норму» и «Анну Болейн» всеми этими масляными (шелковыми, бархатными — на выбор) глиссандо и портаменто.

Она гениальна не потому, что никто не пел лучше, а потому, что после нее нельзя было по-другому. Каллас поставила жирный крест на эпохе безумных рулад и трелей вылетающих из накрашенных бантиком губ всевозможных колоратур, растиражированных на 78 оборотах. Сцена сумасшествия Лючии — это больше не концерт для сопрано и флейты, а все ж таки сцена сумасшествия. И ария умирающей от чахотки Виолетты тоже не повод покрасоваться. И каватина Нормы это не просто популярная классическая мелодия — там есть слова и смысл. Все эти, кажется — прописные, истины мир узнал от Марии Каллас. И теперь ее можно не любить.

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

